

остальное вздор. Ум тоже нужен, конечно... может быть, ум-то и самое главное. Не усмехайся, Аглая, я себе не противоречу: дура с сердцем и без ума такая же несчастная дура, как и дура с умом без сердца».

Произнеся этот афоризм, Лизавета Прокофьевна также выражает сомнение в силе разума и вообще в его пригодности в жизни: «Посмотрим, как-то вы обе (я Аглаю не считаю) с вашим умом и многословием вывернетесь, и будете ли вы, многоуважаемая Александра Ивановна, счастливы с вашим почтенным господином?..» Для нее разум — это всего лишь способ «вывернуться», способ не смотреть правде в глаза, найти какой-то временный выход. И, конечно, разум никак не является для нее дорогой к счастью. Желание сочетать ум с сердцем и таким образом «примирить» разум с верой является для нее инстинктивным и не до конца осознанным.

Так же неосознанно и инстинктивно она считает всех исключительно «разумных» людей, людей «без сердца», шарлатанами, которых она «видит насквозь», как племянника Лебедева («Нет, голубчик, других дураков найди, а я вас насквозь вижу... всю игру вашу вижу!»). Для нее это скользкие типы, которые используют разум, логику и рассуждения, чтобы «выворачиваться». Этим и объясняется ее возмущение в ответ на признание Лебедева в том, что он «низок»: «Да что мне в том, что ты низок! Он думает, что скажет: низок, так и вывернется. И не стыдно тебе, князь, с такими людишками водиться, еще раз говорю? Никогда не прощу тебе!»

При этом, учитывая то, что Лизавета Прокофьевна вообще всех людей считает дураками и дурами, не исключая себя (слово «дурак» у нее повторяется даже чаще, чем «выворачиваться» и «галиматья»), отношение ее к разуму становится подчеркнуто презрительным. Она почти уничтожает разум, отказывает ему в праве на существование, почти как мать Рогожина, хотя и не так буквально. Если ей и нужен разум, то только как техническое приспособление, способное уравновесить ее «сердце».

В этом состоит ее формула счастья, которую она представляет в самом начале романа и затем развивает в середине во время встречи с «нигилистами»: разум + сердце = вера. По ее мнению, именно сочетание разума и сердца, рационального и иррационального способов восприятия помогает постичь веру и, собственно, поверить.

Разумно-нигилистическое (оно же атеистическое) восприятие мира и все происходящие от такого восприятия философские рассуждения генеральша в своем очередном припадке гнева (которые, по словам генерала, происходят «года в три по одному разу, но уж никак не чаще») называет не иначе как «галиматъей»: «Довольно, — провозгласила вдруг, чуть не дрожа от гнева, Лизавета Прокофьевна, — пора прервать эту галиматью!..» Все, что способно сотворить такое чисто рациональное и отрицающее все отношение к миру в глазах генеральши является «низостью», «хаосом» и «безобразием»: «Это низость, низость! Это хаос, безобразие, этого во сне не увидишь!» В своем порицании, почти отрицании разума Лизавета Прокофьевна доходит до апокалипсических пророчеств, рисуя картину погибающего, если не погибшего мира: «...и впрямь последние времена пришли. Этого я еще и не слыхивала. Теперь мне всё объяснилось!» Главной характеристикой этих «последних времен» является несправедливость, которая прикрывается законностью и легальностью или, по крайней мере, легитимностью, хотя на самом деле представляет собой беззаконие, творимое при попустительстве разума, используемого как оправдание и прикрытие для любого преступления (в качестве примера приводится случай, когда «защитник на суде объявлял, что ничего нет естественнее, как по бедности шесть человек укокошить»).